

Георгий Бурков:

Чужой боли не бьвает

поговорил, с этим. И среди твоих собеседников — люди молодые. С ними, пусть не всегда, но находится Иван общий язык. А что думает о современной молодежи Георгий Иванович Бурков?

— Какой-то отдельной проблемы молодежи, на мой взгляд, не существует. Дело только в том, чтобы научить молодых уважать и относиться к ним серьезно.

Вот, например, молодой выпускник ВГИКа, режиссер, начинает тебе что-то объяснять в твоей роли, и ты понимаешь: он говорит, наверное, ерунду. Что делать? Если ты упрямый человек — начнешь ему возражать, но ведь у него тоже есть свое мнение, а еще у него горор есть — он ведь молод! — в результате вы поругаетесь, и толка не будет. А если тебе важен результат, а не признание твоей сиюминутной правоты, ты скажешь себе: «Я старше его и должен быть мудрее. Мы понимаем с ним одинаково, просто он высказаться не может то, что мне понятно». И ты играешь. И он говорит тебе: «Здорово! Это именно то, что я имел в виду».

— Значит ли это, что Вы лично никогда не ссоритесь?

— Ссорюсь, конечно. Но чаще это мировоззренческие ссоры. Бывает, человек говорит что-нибудь эдакое: «Все, начинаем жить честно и вместе идем вперед!» Ты его спрашиваешь на это: «О какой честности ты говоришь, когда у тебя зарплата не скажет чтоб большая, а при этом и квартира пятикомнатная, и дача, и две машины?» А он отвечает: «Это к нашему движению вперед отношения не имеет. Пошли!» Очень раздражают люди, говорящие одно, а делающие другое.

Или, помню, мне лет пятнадцать было, я взял у отца часы — пофорсить — и пошел на танцы. Пристали ко мне блатные, стали часы снимать. И когда я начал кричать, один из них укорил меня: «Зачем ты кричишь? Как тебе не стыдно?» Знаете, когда человек больно тебе делает, подлость делает и при этом тебя же укоряет, — а такое, увы, нередко случается, — очень бывает неприятно.

— Георгий Иванович, Вы пришли в театр заниматься режиссурой. И что же, мечта безвозвратно погибла?

— Надеюсь, нет. В Театре имени Пушкина хочу выполнить свой духовный долг перед Шукшиным — поставить его сказку «До третьих петухов».

Продолжает Иван путь по деревенской улице. Что он увидит еще на этом пути?

Георгий Бурков приучил нас ждать от своих героев открытий. Для него профессия актера — не демонстрация, а исследование. Характеров, судеб, ситуаций. Исследование, в котором он каждый раз приглашает принять участие и нас, зрителей.

А. МАКСИМОВ.

ИВАН вышел утром из дома. Перед ним — широкая деревенская улица. Шаг с дорога. Еще шаг. Какие будут встречи? Какие разговоры? Какие радости и страдания? Путь начат

— Роль — как облако. Идет на тебя издалека. Ты примериваешься, прицениваешься, даже побиваешься ее. Но вот окутала тебя, ты уже внутри, и здесь не до оценок — ты живешь жизнью своего героя. В театре много раз выходишь перед зрителем, чтобы сыграть одну и ту же судьбу. Ты — актер — все знаешь про своего героя: знаешь, когда он полюбит, знаешь, погибнет он в опасной ситуации или нет, даже время его смерти знаешь. Все — забудь. Живи каждый раз впервые.

Он очень неприметный, этот Иван Климов из пьесы молодого белорусского драматурга Анатолия Кудрявцева «Иван и Мадонна» в Театре им. А. С. Пушкина. О таких говорят: простой. Неправильно. Разве простой — человек, совершивший на войне подвиг, награда за который найдет его через сорок лет? Разве прост он — плотник, чьиими руками, считай, вся деревня отстроена? Нет, это только с виду простачки герои Буркова. В них есть тайна. Их интересно разгадывать.

— Мой Иван из тех, кого принято называть «чудиками». Вроде как, действительно, странный. Крыльцо отремонтировать — пожалуйте! Крышу перестелить — ради бога! А фантазия какая у него! Такие истории придумывает — не всегда поймешь, что в них правда, что вымысел.

Мне приходилось встречать таких людей на съемках. Они все видят, все понимают. Взгляд у них чистый, естественный. Ко всякому человеку относятся с добром, и правда — чудики! Но, глядя на них, общаясь с ними, всегда думаю: печально, что мы называем их чудиками. Может быть, настоящие-то чудики не они, а мы? Может быть, и войну-то выиграли, потому что таких «чудиков» — людей, для которых другой человек важнее их самих, — много было.

У спектакля режиссера Бориса Морозова будут и сторонники, и противники. Нормально, если речь идет об интересной работе. Но о чем, я думаю, спор не будет — об игре Буркова. Его игру надо не оценивать, а разгадывать. Непонятно, чем завораживает нас актер. Почему мы с таким вниманием следим за этим человеком? Почему нам так интересно все, что он делает? В чем тут дело? Может быть, в судьбе актера?

— А что там было, в начале дороги? Госпиталь в Перми, где я мальчишкой выступал перед ранеными. Поразительное было чувство, что этим дядям, много пережившим и испытавшим, хорошо от того, что я к ним пришел. Они смеются, хлопают. И вроде так получается, что я им нужен.

Я рос в рабочей семье. Был единственным ребенком, меня очень любили родители. Васи-

лий Макарович Шукшин правильно говорил: «Мы — дети любви». Может быть, желание стать актером возникло отчасти из-за стремления поделиться этой любовью?

Георгий Бурков на актера не похож. Это не я первый заметил. Это заметили еще те преподаватели, которые упорно не хотели принимать его ни в какой театральный вуз. И он пошел в театр. Пошел, движимый желанием стать... режиссером. Но дали одну роль, другую... Началось странствие по провинциальным театрам.

— Я проходил театральную школу в провинции. Там меня научили работать. Может быть, это вообще главное умение, которое должен обрести молодой человек.

В провинциальных театрах есть актеры с таким талантом, который многим столичным и не снился. Мне повезло: у меня были замечательные учителя. Народная артистка СССР Лидия Владимировна Мосолова — она и сейчас ведущая актриса Пермского драматического театра — и ее муж Виктор Александрович Викторов.

Лидия Владимировна была жестким педагогом, даже жестоким подчас. Да, она казнила, но это была казнь от имени Театра! Она умела поставить планку очень высоко, ученик мог ее и не преодолеть, но зато какой замах был! Знаете, как нас иногда оценивают? «Неплохо сыграл, неплохо, не хуже такого-то». А Лидия Владимировна говорила примерно так: «Неплохо, конечно, но Качалов это делал лучше».

Мне вообще кажется, что людям творческих профессий (да, наверное, и не только творческих) очень важно брать за точку отсчета не посредственность, а гения. Тогда твой собственный масштаб уменьшается, но пользу это приносит большую.

Иван Климов — человек, громких слов не произносящий. Даже о подвиге своем он рассказывает почти как о придуманной истории. Но с первого же его появления на сцене мы ощущаем значительность этого человека. Эта значительность, внутренняя сила отличает многих героев Буркова и среди них — следователя Бориса Антонова из телефильма «Профессия — следователь». Помнишь? Следователь ни на Мегрэ, ни на Шерлоке Холмса непохожий. Если уж и искать аналогии, то скорее с тем же Иваном из пьесы Кудрявцева, с героями Шукшина. Эта простота и, я бы сказал, обычность следователя одним понравилась

других возмутила. Знакомый юрист долго рассказывал мне, что такой следователь никогда никакого преступления не раскрыл бы.

— Спросите любого человека на улице: «Как сыграть следователя?» Всякий вам расскажет. Все знают! Придут задумчивую позу, закурат сигарету — готово!

Помню, как однажды во время съемок Шукшин, показав на массовку, стал страстно говорить мне: «Ну разве можно с этими людьми снимать «Степана Разина»? Попроси их показать русский характер, и они — все! — начнут кричать и рвать рубаху на груди...»

Искусство начинается там, где кончается штамп. Профессия актера состоит не в том, чтобы сыграть следователя, а в том, чтобы попытаться понять человека — Бориса Ивановича Антонова. Он вырос из моего отца, из людей его поколения. Он чем-то похож на тех ребят, с которыми я начинал учиться на юрфаке. Для меня было важно сыграть человека, который не со стороны вторгся в нашу жизнь, не судьей пришел, а живет вместе с нами, в одной квартире, он вместе с нами разбирается, как сделать так, чтобы жить стало лучше, чище.

И, мне кажется, зрителям мой герой оказался близок. Сужу по письмам, которые ко мне приходили. Люди ничего не просили, в сущности, ни о чем не спрашивали. Как в вагоне поезда — рассказывали какие-то истории из своей жизни. Просто так рассказывали. Запомнилось письмо одной женщины из заключения: «Жаль, что у меня был следователь не такой, как ваш Антонов. Уж Антонову бы я все рассказала».

— Георгий Иванович, а что вообще в Вашей работе значит зритель? Имеет для Вас значение его реакция или Вы стараетесь ее не замечать?

— А как не заметишь? Театр — это не актер на сцене. Театр — это актер + зритель.

Жаль, что мы постепенно привыкли к великому чуду театра. Но разве не удивительно, что тысячи людей, не знакомых друг с другом, со своими горестями, радостями, судьбами, начинают познавать чужую жизнь — того же Ивана — и уже живут одними чувствами и мыслями.

Подчас завоевать зрителя

очень трудно. Вот, скажем, попался смешливый зритель. Все переводит на смех. Зал тоже заражен — готов смеяться по любому поводу. Стараешься зал перебороть. Смешно тебе? Смешно? А вот так смешно? А вот теперь — плачь! Человек, расслабленный смехом, очень восприимчив на трагедию. Иногда, конечно, это не получается, и все, что ты хочешь сказать залу, пропадает...

— Значит, взаимоотношения со зрителями в театре — борьба?

— Нет, скорее соучастие, сотворчество. Если этого сотворчества не возникает — горе актеру. Помню, ехал в Ленинград, в купе познакомился с одним адмиралом. Это очень интеллигентный человек, любящий театр. Он мне рассказывал, что однажды был настолько поражен ужасной игрой известного актера, что встал, хлопнув стулом, и вышел из зала. Поверьте, если он поступил так, значит, действительно не было сил смотреть.

Идет Иван по деревенской улице. С этим поговорил, с тем словом перебрался. Об этом разговор повел, да о том. Вот и в нашей беседе с актером — не слишком ли о многом поговорить мы пытаемся? Но, возможно, так и надо. Ведь Георгий Бурков принадлежит к тем актерам, с которыми хочется беседовать.

Идет Иван по деревенской улице. (Заметим, что сценарий спектакля точно выполнена Мариной Рыбасовой). С тем

Георгий Бурков
г. Москва

1986
22 ЮН 1986